

ТВОРЧЕСТВО Л. МАРТЫНОВА В ОТКЛИКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

Леонид Мартынов как поэт и прозаик представляет собой явление особого свойства и характера. Литературоведческие исследования поэзии Мартынова представлены довольно широко, хотя известность пришла к нему с опозданием, по крайней мере, на десять лет. Как отмечает в своем историко-литературном комментарии к одному из стихотворений поэта исследователь его творчества С. Поварцов, «...издательские неудачи сопутствовали ему с конца 20-х годов» [1; 312]. Так, в 1928 году, из-за ожесточенного политического интриганства группы «Настоящее» не был издан в Новосибирске подготовленный Мартыновым стихотворный сборник. А в 1932 году издательство «Молодая гвардия» отклонило книгу прозы Л. Мартынова (рукописи которой не сохранились). После возвращения в Омск (после административной ссылки в Вологду) одна за другой выходят его книги: «Стихи и поэмы» (1939), затем «Поэмы» (1940). Тема социалистического строительства отражена в стихах Мартынова того времени, цикл исторических поэм посвящен историческому прошлому азиатской России. Никто из критиков не ставил под сомнение поэтический талант Мартынова, и все же наряду с комплиментами в хоре критических голосов звучали ноты недоумения и удивления.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы на основе анализа имеющейся научной литературы определить современные проблемы изучения творчества Л. Мартынова, обозначить перспективу дальнейшего исследования автобиографической прозы поэта.

В изучении творческого наследия Л. Мартынова можно выделить несколько этапов. *Первый этап* (конец 20-х – первая половина 40-х годов) – период откликов на публикации сборника очерков «Грубый корм», сборника «Стихи и поэмы» и «Поэмы». Все публикации того времени отличались вниманием к идейному содержанию произведений. На этом этапе ведущими жанрами в критике, посвященной произведениям Л. Мартынова, были рецензия, отзыв, статья. Они были опубликованы в журналах «Звезда», «Литературное обозрение», «Литературный современник», «Новый мир», «Сибирские огни» и др. среди авторов можно отметить С. Кара, С. Михайлова, В. Азарова, Н. Панова, В. Бурмина, Ал. Борисова, К. Симонова и мн.др. В публикациях об очерках Л. Мартынова оценивалась точность и достоверность отражения автором советской действительности. Произведения писателя рассматривались в общем русле идейно-художественных исканий советской литературы той поры. Литературоведы неоднократно обращались к изучению поэм Мартынова, которые были причислены к большому циклу историко-народных патриотических произведений, созданных советскими писателями.

Исследователи литературы времен II мировой войны справедливо замечают, что литература той поры – вполне самостоятельный специфический

период. Л. Мартынов так же, как и все сибирские литераторы, призывал соотечественников на ратные подвиги и героический труд. В этот период заметно усложняется жанровая структура произведений Мартынова – видное место в его творчестве занимает публицистика. Сборники «За Родину» (1941), «Мы придем» (1942), «Жар-цвет» (1943) открывали воинам и труженикам тыла исторически конкретные приметы Родины (этим сборникам были присущи характерные особенности художественной публицистики военных лет). В 1945 г. после выхода в свет сборников стихов Мартынова «Лукоморье» и «Эрцинский лес» вокруг имени поэта снова возникли дискуссии, и обрушился гнев критики. Одной из немногочисленных положительных откликов была статья И. Гринберга «Дорога в Лукоморье». Критик отмечает глубокую и органическую связь между произведениями, говорит о поиске Мартыновым временных и пространственных связей в сборнике, рассуждает о преемственности в традициях великих лириков, ставя Мартынова в один ряд с Ломоносовым и Хлебниковым.

В целом негативные отклики на сборники Мартынова сыграли в тот момент свою роль. Тогда, после развертывания известной идеологической кампании 1946 г., в период позднего сталинизма в литературных кругах культивировался совсем иной язык, нежели тот, которым писал Мартынов. Конечно, поэт пробовал освоить стиль эпохи, но это не приводило к творческим удачам, Мартынов оставался прохожим, «на нас непохожим».

Во второй половине 50-х годов произошло «второе рождение» в творчестве поэта. В этот период после выхода его книги «Стихи» (1955) критика сменила гнев на милость. После «хрущевской оттепели» литературоведы обратили свое внимание на поэзию Л. Мартынова. С этого времени можно условно обозначить *начало второго этапа* в изучении творческого наследия Л. Мартынова, который продлился до середины 80-х годов XX века. С этого периода начинается активное исследование творчества поэта. В публикациях нельзя не отметить разностороннюю оценку поэтических произведений Мартынова. Исследователи заговорили об оригинальном даровании поэта, в периодике появились статьи, провозгласившие Мартынова крупнейшим талантом современности, хотя некоторым и показалось странным рифмосложение поэта.

Многие содержательные статьи тех лет имели один недостаток – их авторы, толкуя о Мартынове, забывали о десятилетиях его поэтического опыта. А. Македонов в очерке о творчестве Л. Мартынова (1960) называет поэта «специфичным», указывая на замысловатость и новизну его интонации, размышляя при этом о путях новаторства поэзии того времени. «Построение картины мира в произведениях Мартынова, – замечает Македонов, – создается в виде цепи впечатлений-ассоциаций, связанных авторским рассуждением, рефлексией и единой лирической интонацией» [2; 188], которую автор называет «мартыновским говорком», указывая при этом на недостаток силы, полноты,

предметности, страстности энергии в лирике Л. Мартынова. Эти суждения критика позже станут предметом многочисленных споров.

Одним из литературных критиков, неоднократно обращавшимся к изучению творческой индивидуальности, философской лирики и поэтики Л. Мартынова, был А. Михайлов. В книге «Поэты и поэзия» (1978) он определяет сквозную задачу поэзии Л. Мартынова – выявление «значенья, смысла мгновенья бытия». Автор замечает, что ощущение трехмерности времени у Мартынова раздвигает границы познания: «...в сопоставлении прошлого с настоящим и настоящего с будущим, в диалектике их преемственности и обновления и осмысливается Мартыновым сегодняшний день, наши заботы и тревоги, наше "торжество"» [3; 15].

Учитывая то время, когда господствующим направлением в литературе был социалистический реализм, многие критики не разделяли мнение тех ученых, для которых талант Л. Мартынова был очевиден. Так, Б. Соловьев в критической заметке «Седьмое чувство» (1966) замечает, что в некоторых стихах поэта «явственно сказывается забвение современности, сегодняшних дел и стремлений наших людей» [4; 163], при этом автор упрекает поэта в отвлечении от социалистической действительности и создании «слишком причудливых стихов», в надуманности и искусственности, не утруждая себя более внимательным прочтением стихов Л. Мартынова.

Совсем другим создан портрет Мартынова в книге С. Залыгина «Интервью у самого себя» (1970). Автор, исследуя творчество поэта, описывает самые яркие страницы его нелегкой творческой биографии – от публикаций в Омских журналах и газетах, книг очерков, затем его поэм и, наконец, лирических циклов стихотворений. Мартынов здесь представлен исследователем, этнографом, глубоким знатоком фольклора и национальных особенностей разных народностей. Залыгин называет Л. Мартынова поэтом-историком, приводя примеры не только из его поэм, но и стихов на разные исторические темы.

В последующие несколько лет интерес критики к творчеству Мартынова несколько снижается. Появляются лишь отдельные заметки о сборниках его стихов. В 1973 г. Е. Винокуров посвящает творчеству Мартынова небольшой очерк, позже включенный в сборник «Избранные произведения» (1976). Здесь освещение особенностей творчества Мартынова представляется в несколько ином свете, нежели это было сделано предыдущей критикой. Е. Винокуров называет Мартынова «поэтом с тайной», «глубоким», «масштабным», восприятие поэтом мира называет «мартыновским». Размышляя о современности произведений поэта, он указывает на то, с какой точностью Мартынов употребляет элементы фольклора, сказки, легенды, оперирует научными терминами, сообщениями об открытиях и поэтические комментарии к ним, добавляя, что все эти исторические и мифические образы, появляющиеся на страницах произведений Мартынова, лишь оттеняют черты эпохи, «...делая современность еще реальной, еще выпуклей, еще осязательней» [5; Т.2.: 450].

В середине 50-х годов в русской советской поэзии проявилось новое мироощущение. Безусловно, новые веяния коснулись и поэзии Мартынова. Н. Соколова в статье «Об этом что ни есть, то новом мире...» (1972) говорит о народности, историзме, чувстве современности в лирике поэта, справедливо называя поэтическую манеру Мартынова «особой», объединяющей разные типы романтики: современной романтики научного познания мира и традиционной романтики русской философской поэзии. Примечательно, что исследовательница указывает на кольцевое построение стихов и сборников Л. Мартынова, когда строгая логичность композиции требует возвращения к исходной мысли в конце, значительно при этом расширив ее и углубив, раскрывая смысл самого произведения. «Стихи поэта, – говорит Н. Соколова, – дают читателю ключ для понимания сложных законов, художественного мышления, показывают путь к образному восприятию мира, учат поэтически мыслить» [6; 45].

Одним из первых ученых, занимавшихся исследованием творческой биографии поэта, был А. Никульков. В очерке «Обретенное Лукоморье» автор прослеживает творческий путь Мартынова, начиная от ранних (начало XX в.) стихов поэта, затем очерков и исторических поэм и заканчивая сборниками «Новая книга» (1962) и «Первородство» (1965), где называет Л. Мартынова «поэтом-лириком», «поэтом-философом», «поэтом-трибуном», «поэтом-публицистом» и «проповедником». Никульков говорит о Л. Мартынове как о «блестящем очеркисте», который изображает действительность в ее историческом развитии, подходит к изучению каждой темы многосторонне, с неизменной журналистской дотошностью, с документальной точностью. Одним из первых критик поднимает вопрос о сложности и многогранности поэзии Мартынова и о «непринятии» критиками его поэзии на раннем этапе (20-30 гг.) творчества в силу сложившейся к тому времени идеологической борьбы в литературе, когда критика «...предпочитала иметь дело с произведениями, где идея лежала на поверхности, а схема авторских взглядов выпирала наружу» [7; 19]. Сложная политическая обстановка конца 30-х годов наряду со многими другими причинами способствовала уходу поэта в историю. Размышляя о поэмах Мартынова, критик приходит к выводу о связи в них с пушкинской поэтикой, о мастерстве поэта в применении изящных рифм, придающих поэмам легкость и музыкальность. Никульков исследует и поэмы, посвященные военным годам, где автор поэм представляется ему «кропотливым ученым-историком».

Л. Лавлинский начал свои размышления о поэзии Л. Мартынова со сдержанных утверждений: «...груз специальной терминологии, сложнейших понятий, которыми оперирует современная физика, математика, политэкономия», [8; 115]. Вместе с тем автор отмечает и богатство духовного содержания, художественную мощь стихов поэта, предполагающих, кроме специальных терминов, и обширный подтекст. Заканчивает же исследователь не литературоведческим термином, а экспрессивной метафорой – «мыслящий

вулкан, неукротимо энергичный <...> наделенный буйной творческой фантазией, его поэзия заряжена мощным теплом человечности» [9; 260].

Таким образом, до начала 70-х годов XX века преимущественное внимание критики было сосредоточено на осмыслении поэзии Л. Мартынова, а его автобиографические книги остались, в сущности, вне поля зрения. Между тем, это важнейшая часть его наследия, которая позволяет охарактеризовать как творческий облик поэта, так и особенности развития русской автобиографической прозы той поры.

В 1974 г. в издательстве «Современник» вышла книга автобиографической прозы Л.Н. Мартынова «Воздушные фрегаты». Почти каждая глава книги – самостоятельна, со своим сюжетом, со своим текстом и подтекстом, каждая по-своему содержательна, внутренне закончена, в основном независима. Объединяет все главы личность автора. Поэт вспоминает, каким он был в детстве и юности, рассказывает о встречах с разными людьми, и прежде всего с поэтами, художниками и, наконец, о книгах, любовь к которым Мартынов сохранил на всю жизнь. Автобиографическая книга «Воздушные фрегаты» создавалась вперемежку со стихами, старыми и новыми, и стала не только своеобразным комментарием к ряду известных, входивших во многие антологии стихотворений поэта, но и исследованием, размышлением. В книге автор показывает, что свое становление как поэта он постигает через искусство, прослеживает судьбы родного города и эпохи, в которой это происходило. Первоначально поэт задумывал назвать книгу «Стоглав» (в ней должно быть сто глав), но в силу не зависящих от него причин, из-за сложившейся трудной обстановки в стране, строжайшей цензуры, в свет вышли только 54 главы, которые сам Мартынов назвал новеллами. Следующая книга прозы Л. Мартынова «Черты сходства» вышла уже после смерти писателя (в 1982 г.), и третья книга недостающих глав «Дар будущему» вышла в издательстве «Вече» лишь в 2008 году.

Т. Бек справедливо замечает, что «...в истории поэзии нет, пожалуй, ни одной значительной фигуры, миновавшей соблазна обратиться к читателю со своей эссеистикой и критической или мемуарной прозой» [10; 344]. Исследователи творчества Л. Мартынова писали о его прозе мало, хотя между его прозой и поэзией есть прочное внутреннее сцепление, намного большее, чем в какой-либо иной писательской судьбе. «Проза и поэзия, – говорит исследователь автобиографической прозы А. Леонг, – составляют две стороны одного творческого процесса, их приходится изучать вместе» [11; 237]. При попытках литературоведов исследовать поэтику прозы Л. Мартынова возникали трудности, связанные с поисками подходов, приемов ее изучения, т.к. книги могут быть прочитаны на разных уровнях. Специальных работ, посвященных анализу жанрового своеобразия прозаических произведений Л. Мартынова, пока мало, что является задачей дальнейших литературоведческих исследований.

Проблему трудности определения жанра книги «Воздушные фрегаты» одной из первых поставила в своей статье «Теорема бытия» (1975) Л. Поликовская. Исследовательница определяет главы книги как мемуары, эссе и остросюжетные новеллы, при этом замечая, что все главы книги являются не только теоретическим, но и биографическим комментарием к стихам поэта, размышляет о способах формирования эстетических взглядов писателя, называя «Воздушные фрегаты» «своеобразным лирическим дневником, в котором автор ведет проникновенный разговор о времени и о себе» [12; 91].

Литературовед и критик Н. Яновский, изучавший творчество писателей-сибиряков, в статье «Тайны воздушных фрегатов» (1974) так отзывается о книге Л. Мартынова: «...она поэтична, художественна, в ней отразились и биография писателя, и «биография» времени, и эстетические взгляды автора; в ней раскрыты реальные истоки его некоторых поэтических произведений». [13; 244]. Все это позволяет взглянуть как бы изнутри на особенное в системе художественных обобщений автора, на его собственный неповторимый подход к различным явлениям действительности. «Отсюда, – замечает критик, – и проза поэта Мартынова имеет самостоятельное историко-литературное значение» [13; 8].

В. Дементьев в статье «Проза поэта» (1975) говорит о том, что «многие особенности лирических стихов Мартынова – как будто унаследованы его прозой». В новеллах, включенных в книгу, и документальных, и реалистических, и фантастических видно стремление автора как можно точнее передать свое внутреннее состояние, мироощущение. Очевиден и факт, что проза Мартынова поэтична и его слово наделено богатой гаммой значений. Поэтичность его прозы заключается не только в употреблении сравнений, уподоблений и других троп, не только вкраплением фрагментов стихотворений, своих и чужих, но и в том, что «все, к чему бы не прикасался Мартынов, на что бы он не обращал свой взор, становится поэзией» [14; 273]. В статье критик ставит перед собой задачу изобразить поэтический мир Мартынова как единое целое и связать его с прозой поэта. Эта статья была включена В. Дементьевым в монографию «Л. Мартынов. Поэт и время» (1989), ставшей к тому времени одним из крупных исследований в изучении творчества поэта. Книга – это плод многолетних размышлений о поэзии Л. Мартынова. На страницах монографии воссоздана живая, своеобразная личность поэта, раскрыты особенности эстетики, использованы ранее не публиковавшиеся материалы к биографии поэта. Здесь ощущается основательность осмысления материала, касающегося творческого пути поэта и прозаика. Автор тонко подмечает особенности становления Мартынова-поэта, «невольный юношеский футуризм» которого проявился в первую очередь не от литературного влияния чужих стихов (Маяковского, Блока, Аполлинера и др.) – они помогали найти поэту форму собственному опыту. Книга В. Дементьева дает возможность говорить о том, что в основе поэзии Мартынова – ощущение мира как живой тайны, поэт позволяет себе войти, погрузиться в этот мир «...лишь на длину луча, которым

творящий разум и деятельная фантазия высветляют тайну. Каждый шаг в ней – открытие и радость. Радость поэтического обладания тем, что не теряет ни своей таинственности, ни своей жизни. Эта тайна и есть стихи Мартынова» [15; 91]. Творческие принципы Мартынова сложны и многогранны, они совмещают чудесное с обычным, условное с реальным, фантастическое с доподлинным.

Более поздние исследования (конец 80-х – конец 90-х годов XX века) условно можно обозначить как *третий этап* в изучении творчества Л. Мартынова, когда мартыноведение вошло в сферу интересов профессиональных литературоведов. В мае 1983 г. в Омске впервые прошли Мартыновские чтения, положившие начало определенной традиции. Затем они состоялись в 1985, 1995 и в 2005 гг. К данному этапу можно отнести и публикации первых значительных статей и исследований о Мартынове-прозаике, обозначился интерес к историко-литературному контексту, жанровому своеобразию, художественному видению мира писателя, к проблеме художественного времени и пространства его прозаических произведений.

С. Поварцов в статье «Все это было так» (1982) называет книгу «Воздушные фрегаты» «высокохудожественным образцом автобиографического повествования». С помощью архивов и старых сибирских изданий автору удастся обнаружить много интересных фактов, касающихся содержания книги. С. Поварцов называет писателя «историком и краеведом», при этом поясняет закономерности возникновения многих образов – Лукоморья, Златой бабы и др. на страницах произведений Мартынова. Автор делает попытку дополнить список ранее неизвестных и неизданных стихотворений поэта, поясняет некоторые факты из биографии творческих личностей, о которых упоминается в автобиографической книге. Позже (в 1988 г.) увидела свет книга «Над рекой Тишиной. Молодые годы Л. Мартынова», дополненная различными фактами творческой биографии поэта и прозаика.

В 1983 г. Ю. Хон защитил кандидатскую диссертацию «Исторический роман и исторический очерк (на материалах произведений Л. Мартынова и С. Маркова)», где в качестве исследовательских приоритетов обозначаются нравственная проблематика и идейное своеобразие исторических очерков Мартынова, рассматривается сюжет и конфликт новелл. Ю. Хон заключает, что поиски Л. Мартынова 30-40-х годов, художественная поэтизация исторического прошлого, исторического времени через судьбу, характера героя, взятого в поворотный момент жизни, положили начало новой традиции в изображении событий прошлого. Автор говорит о новаторских исканиях Л. Мартынова в области исторического очерка, которые обогатили историческую прозу в литературе 60-70-х годов XX века. Автор, анализируя главы автобиографической книги «Воздушные фрегаты» (Хон называет их «историческими новеллами»), приходит к выводу, что они воссоздают исторический колорит прошлого, атмосферу далекого времени, которая достигается Мартыновым с помощью метко схваченных деталей, всегда точно передающих характерные черты описываемого периода, выделяя при этом одну

из замечательных черт писателя – умение создавать живые, запоминающиеся образы, среди которых можно отметить Вс. Иванова, А. Сорокина, П. Драверта, В. Уфимцева и др. Исследуя «исторические новеллы» второй книги «Черты сходства», автор приходит к выводу, что Мартынов в них обратил внимание историков литературы на ряд поэтических явлений, знание которых существенно обогатило представление читателя о богатстве поисков литературы социалистического реализма в период ее становления. При этом исследователем не рассматривается в полной мере жанровая специфика, особенности языка, пространственно-временных отношений глав автобиографической книг «Воздушные фрегаты» и «Черты сходства», что является предметом для дальнейших исследований прозы поэта.

Еще одна кандидатская диссертация Т. Камышковой «Русская сибирская проза малых жанров (очерк и рассказ) 1930-х годов. (Л. Мартынов, М. Никитин, А. Коптелов)» была защищена в 1985 г. Здесь представлено исследование ранних очерков Л. Мартынова, а также сборников очерков «Грубый корм». Исследовательница провела классификацию заявленных очерков и рассказов, выделив в них типологические группы и ведущие тенденции. В работе раздел, посвященный очеркам Л. Мартынова, имеет целью осмысление преломления в опыте Л. Мартынова (а также М. Никитина и А. Коптелова) общих закономерностей развития очерка в 1930-х годах. Т. Камышкова говорит о слитности проблематики и стилистики очерков и стихов писателя, об ассоциативности мышления поэта, рождающей умение сопрягать явления общие, порой исключительные, с частными, обыденными. По наблюдению исследовательницы, изучение поэтики очерковых произведений Л. Мартынова 1930-х годов позволяет утверждать, что контрастные, выразительные, нацеленные на додумывание мартыновские символы, ассоциации свидетельствуют о видении очеркистом наряду с недостатками и светлых перспектив, которые зарождаются в настоящем. Метафорическая природа стиля, богатое насыщение детали, жанровых зарисовок, пейзажа, ассоциативность мышления выгодно отличают очерки поэта от общего потока сибирской беллетристики 1928-1930 годов, предпочитавшей прямолинейные решения. Специфика идейно-художественной структуры очерков, рассмотренная автором диссертации, может быть использована в дальнейшем исследовании автобиографических книг Леонида Мартынова.

После проведения Мартыновских чтений в 1985 г. в ОГПИ вышел в свет сборник научных трудов «Проблемы творчества Л. Мартынова», где в одном из разделов представлены статьи и исследования, посвященные прозе поэта. Среди них можно отметить несколько работ, представляющих интерес для исследователей прозы Л. Мартынова: статья А. Киселевой «Мартынов-прозаик», статья Э. Шик «Проблема художественной индивидуальности в автобиографической прозе Л. Мартынова», где автор пытается выяснить специфические социально-психологические качества личности писателя, его видение мира и художественное претворение творческих взглядов Мартынова,

его поэтической индивидуальности, своеобразие «мартыновской» манеры письма произведений. Интересны наблюдения автора над проблемой забытых или полужабытых имен поэтов и писателей на страницах автобиографической прозы Л. Мартынова, когда во многих главах книг художник «...стремится вырвать из пучины забвения как можно больше имен: они того достойны, по глубокому убеждению автора повествования» [16; 59]. Эта характеристика поэтов и художников, а также определение некоторых мотивов в книгах Л. Мартынова несомненно будет учтена нами в дальнейшем исследовании автобиографической прозы поэта.

К проблеме художественного времени и пространства в творчестве Л. Мартынова в целом и в автобиографической книге «Воздушные фрегаты», в частности, обращался ряд исследователей. Среди них В. Андреева (статья «Пространство и время в очерковой прозе Л. Мартынова» [16; 65]), А. Кошелева («Образ времени и его идейно-художественное воплощение в философской лирике Л. Мартынова» [16; 112]), и более поздние работы: И. Гладкова «Мифологемы места в городском пространстве: Омск в очерковой прозе Л. Мартынова» (2006), М. Проколова «Семантика пространственно-временных ориентиров в стихотворениях Л. Мартынова» (2006) и др. Однако поэтика хронотопа автобиографических сборников Л. Н. Мартынова изучена далеко неполно и представляет интерес для дальнейшего исследования.

В конце 80-х годов для восстановления целостной картины жизни писателя многие авторы обращаются к документальным материалам, что позволяет взглянуть на события того времени с другой, ранее неизвестной стороны. Появляются статьи-воспоминания: Д. Самойлова «Памятные записки» (1994), В. Огнева «Амнистия таланту» (из сборника «Блики памяти») (2000) и др. В 1989 г. в издательстве «Советский писатель» вышел сборник «Воспоминания о Леониде Мартынове». Статьи многих поэтов, писателей и литературоведов вошли в него: А. Вознесенского, С. Маркова, М. Юдалевича, С. Залыгина, К. Ляско, А. Гидаша, Б. Слуцкого, Н. Старшинова, А. Кун, Г. Суховой-Мартыновой, В. Уткова и мн. др. В них воссоздан облик поэта, человека ищущей мысли, талантливого и своеобразного, с юных лет влюбленного в поэзию и оставшегося ей преданным до конца своих дней, представлен круг его интересов, манера общения, что позволяет глубже и полнее представить его личность, отразившуюся в автобиографической прозе.

На страницах воспоминаний возникает вопрос переоценки прошлого, относящийся непосредственно к творчеству Л. Мартынова: можно ли быть свободным в несвободной стране? Многие авторы воспоминаний о писателе говорят «да», убеждая читателя в этой теореме, касающейся творчества Мартынова. В этой теореме есть психологическая, нравственная загадка двойственности творчества художника, и ответ на нее кроется в сопротивлении «Системе», возникшей в период развития социалистического реализма, когда умение многих поэтов и писателей «лабиринтировать» и «приспосабливаться» к суровой прозе действительности было единственным выходом из сложившейся

ситуации и спасением от духовной гибели. К числу «сопротивляющихся» можно отнести и Л. Мартынова, отличавшегося яркой творческой индивидуальностью.

В числе ведущих тенденций мартыноведения 80-х – 90-х гг. XX века следует отметить изучение литературной судьбы писателя, исследование и анализ способов выражения авторской позиции, своеобразие, философскую направленность лирики Л. Мартынова. Но существенным упущением исследователей на данном этапе было недостаточное внимание к автобиографической прозе поэта, к уточнению вопросов жанрово–стилевой окраски, идейно-художественного и идейно-тематического анализа автобиографических книг Л.Н. Мартынова.

В конце XX – начале XXI вв. всплеск интереса к наследию Л.Н. Мартынова был вызван острой потребностью оценить его творчество как целостный художественный феномен в контексте русской литературы XX века. Этот период можно условно обозначить как *четвертый этап* в изучении творчества Л. Мартынова. Статьи современных исследователей, посвященные отдельным аспектам проблематики и поэтики наследия писателя, значительно дополнили литературно-критический материал, касающийся творчества Мартынова.

С. Поварцов в этот период продолжает изучение биографии и творчества Л. Мартынова с большой научной тщательностью и привлечением архивного материала. В 1997 г. в Омске под его редакцией выходит сборник «Сын Гипербореи: книга о поэте», который представляет новые, ранее неизвестные факты из жизни и творчества писателя. В частности, история ссылки Л. Мартынова 1932-1935гг. – до последнего времени освещавшаяся весьма размыто – показана на страницах сборника несколько подробнее: открываются ее исторические, и психологические, и идейные причины. Интересны наблюдения многих авторов сборника. О. Кутминой в статье «Поля памяти» наряду с размышлениями о жанровом своеобразии прозаических сборников Мартынова выделяются их основные темы: тема несогласия, протеста и тема свободы, независимости. О. Кутмина определяет некоторые образы в творчестве писателя: образ лодки, ладьи, обозначающий романтические порывы, путешествия, реальное и воображаемое, называя их «образами движения». Исследовательнице видятся также и статичные, «тяжеловесные» образы, такие как образ гор, который представлен довольно противоречивым.

Л. Аннинский в статье «Непостижимо для ума на свете многое весьма» (2004) говорит о Мартынове как «о человеке своего времени, сыне своего поколения», определяет его как великого советского поэта, о недостаточности и «скудости революционной символики» в ранней поэзии Мартынова. Критик прослеживает творческий путь поэта как бы с высоты XXI века, где многие стихотворения кажутся не просто лирикой, а некими «пророчествами» будущим поколениям. Л. Аннинский, причисляя себя к поколению «шестидесятников», говорит о «независимом духовном поиске поэта», называя

его стихи, изданные после 1956 года, «свежими», «завораживающими», придававшими ощущение «земшарности».

Г. Красников в статье «Время собирать камни мироздания» полемизирует с Л. Аннинским: «...объективно рассматривая поэзию Мартынова в целом и даже припоминая известные идеологические обвинения в его адрес, странно было бы не заметить, что мало кто из современников столь очевидно и вызывающе не сроден с понятием "советский поэт" – О Л. Мартынове, как и об А. Ахматовой, В. Хлебникове, Б. Пастернаке, М. Шолохове и Н. Заболоцком <...> Г. Адамовиче, В. Ходасевиче (живших в эмиграции) правильнее будет говорить как о великих и значительных "русских поэтах советской эпохи"» [17; 200]. Г. Красников называет поэта «самобытным явлением». Размышляя о нелегком творческом пути Л. Мартынова, автор отмечает, что в трудные годы, периоды забвения, Л. Мартынов не сдает своих позиций, остается верен своим убеждениям. И его стихи всегда полны удивительной зрелости и мудрости, природного аристократизма, истоки которого, по мнению Красникова, безусловно лежат в народной культуре, в многострадальном опыте русской истории, не располагающей к суетности, к одномерности оценок.

По справедливому наблюдению Г. Красникова, Мартынов «...явил собой тот редкий образец поэта и человека, который прожил как бы две жизни, в двух параллельных, почти не пересекающихся Россиях – в советской, и в той, которую Есенин, оплакивая, называл "отчаянная Русь" [17; 201]. Отсюда, замечает автор, – и нелюдимость, и замкнутость, и загадочность Мартынова. Истинную, первую Россию Л. Мартынов неизменно видел в большом историческом времени. А в стихах об иной, советской России, почти всегда «...вторым планом, неким диалектическим противовесом, комплексом вины, внутренним голосом в непрекращающемся психическом диалоге присутствует Россия первая, подлинная, историческая» [17; 202]. Эти наблюдения, несомненно, следует учитывать и при анализе автобиографической прозы Л. Мартынова.

Тексты Л. Мартынова остаются материалом для литературоведческих исследований и в начале XXI века. Исследование семантического строя зрелой и поздней лирики Л. Мартынова проведено в статье М. Штерн и Ю. Зародовой «Поэтическая "сдвигология" Л. Мартынова» (2006), где авторы, изучая отличительные особенности поэтики Мартынова, пишут о диалогической композиции и сложной инструментовке «мартыновской строфы», выявив универсальный принцип формально-содержательной структуры поэтических текстов – «принцип сдвига». Ю. Зародова, обратившись к архивным материалам, в статье «Неизвестные тексты Л. Мартынова» (2006) сопоставляет различные варианты текстов и показывает как в процессе работы над черновиками меняется образный строй произведения Мартынова и стилистические приемы.

Е. Акелькина в статье «Тема Достоевского в итоговой книге Л.Н. Мартынова "Воздушные фрегаты"» (2009) прослеживает эволюцию

постижения Л. Мартыновым Достоевского. Тема Достоевского, – замечает исследовательница, – является очень важным аспектом в книге «Воздушные фрегаты», касающимся искусства. Мартынов, – пишет исследовательница, – воссоздает динамику своего отношения к Достоевскому через связь с историей родного Омска. Исследовательница справедливо замечает, что диалог с Достоевским длиною в жизнь Мартынов открывает собственными творческими усилиями, что позволяет ему понять другого писателя и приобщить его к художественным открытиям и созданным им самим культурным моделям. В книге «Черты сходства» почти все главы состоят из соединения противоположностей, где в одноименной главе Мартынов размышляет о своем портретном сходстве с Достоевским. Все в книге «Воздушные фрегаты», – по справедливому наблюдению Е. Акелькиной, – ее символичность, ассоциативность, философичность, очерковость, ее структура и композиция продолжает традицию итоговых книг Достоевского («Дневник писателя» и др.) о творчестве, о духе, о поиске истины.

Анализ критической и научной литературы позволяет сделать вывод о том, что исследователями поставлены и решены проблемы исследования биографии писателя, его лирики и исторических поэм. Были изданы научные работы, монографии, статьи, диссертационные исследования, историко-биографические труды. При этом почти за пределами исследовательского внимания остались циклы автобиографической прозы Л. Мартынова «Воздушные фрегаты», «Черты сходства» и книга воспоминаний «Л. Мартынов. Стихи и воспоминания», в которой можно найти ранее неопубликованные главы книги «Стоглав», касающиеся проблемных и трагических для Мартынова событий. Л. Мартынов и сегодня воспринимается преимущественно как поэт. Исследователи сосредоточились на изучении его поэзии и продвинулись в этом отношении довольно далеко. Между тем, важнейшая часть его творческого наследия – автобиографическая проза и сегодня требует дальнейшего исследования и, прежде всего, в таких аспектах, как причины обращения поэта к прозе, эволюция его творчества, принципы циклизации поэтических и прозаических сборников, жанрово-стилевое своеобразие автобиографической прозы, формирование индивидуально-авторского текста, пространственно-временные отношения интертекстуальность, «чужое слово» в прозе Мартынова и др.

Литература:

1. Поварцов С.Н. Эрцинский лес Л. Мартынова. К генеалогии текста / Сергей Николаевич Поварцов // Вопросы литературы. – 2005. – Вып. 5. – С. 308-318.
2. Македонов А.В. Очерки советской поэзии / Адриан Владимирович Македонов. – Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1960. – 244с.

3. Михайлов А.А. Поэзия в меняющемся мире: Леонид Мартынов / Александр Алексеевич Михайлов. Поэты и поэзия – М.: Советский писатель, 1978. – 223с.
4. Соловьев Б.И. Седьмое чувство / Борис Иванович Соловьев. Поэзия и критика. – М.: Советский писатель, 1966. – 359с.
5. Винокуров Е.М. Л.Н.Мартынов / Евгений Михайлович Винокуров. Избранные произведения. – Т.2. – М.: Художественная литература, 1976. – 496с.
6. Соколова Н.А. Об этом что ни есть, то новом мире... / Н.А. Соколова // Север. – 1972. – №3. – С. 177-121
7. Никульков А.В. Обретенное Лукоморье / Анатолий Васильевич Никульков. Книга о поэтах. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1972. – 224с.
8. Лавлинский Л.И. Сердца взрывная сила / Леонард Илларионович Лавлинский. – М.: Советский писатель, 1972. – 320с.
9. Лавлинский Л.И. Вулкан метафор / Леонард Илларионович Лавлинский // Дружба народов. – 1975. – №8. – С.248-260
10. Бек Т. Время – Язык – Судьба / Татьяна Бек // Вопросы литературы. – 1994. – Вып.3. – С.343-349
11. Леонг А. Литературная критика И. Бродского / Альберт Леонг. И. Бродский: творчество, личность, судьба // СПб. – 1998. – С.237-238
12. Поликовская Л. Теорема бытия / Л. Поликовская // Наука и религия. – 1975. – №6. – С.91-92
13. Яновский Н.Н. Тайна воздушных фрегатов / Николай Николаевич Яновский // Литературное обозрение. – 1974. – №2. – С.8-9
14. Дементьев В.В. Проза поэта / Валерий Васильевич Дементьев // Новый мир, – 1975. – №5. – С.273-276
15. Дементьев В.В. Леонид Мартынов: Монография. Изд. 2-е, дополн. / Валерий Васильевич Дементьев. – М.: Советский писатель, 1986. – 304 с.
16. Проблемы творчества Л. Мартынова: межвузовский сб. научных трудов [под ред. Шик Э.Г.]. – Омск: издательство ОмГПИ, 1985. – 202с.
17. Красников Г.Н. Среди современников своих... / Геннадий Николаевич Красников // Литературное обозрение. – 1988. – №11. – С.215-222

Аннотация:

Драган О. А. Творчество Л. Мартынова в откликах современников

В статье рассмотрены существующие в научной литературе оценки творческого наследия Л.Н. Мартынова. Намечена перспектива исследования особенностей автобиографической прозы поэта и писателя, соотношения поэтического и прозаического в его творческом мире.

Ключевые слова: литературная критика, художественная проза, проза поэта, автобиографизм, лиризм.

Анотація:

Драган О.А. Творчість Мартинова у відгуках сучасників

У статті розглянуто існуючі в науковій літературі оцінки творчої спадщини Л. М. Мартинова. Намічена перспектива дослідження особливостей автобіографічної прози поета і письменника, співвідношення поетичного і прозового у його творчому світі.

Ключові слова: літературна критика, художня проза, проза поета, автобіографізм, ліризм.

Summary:

Dragan O.A. Martynov's creativity in the responses of contemporaries

The existing in the scientific literature assessment of the creative heritage of L. Martynov is reviewed in the current article. The prospect of studying the peculiarities of the autobiographical prose poet and writer, the proportion of poetry and prose in his creative world is planned.

Keywords: literary criticism, prose, poet's prose, an autobiographical essence, lyricism.